

Д. В. Тимофеев, О. Н. Яхно

**НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПО ИСТОРИИ ГОРОДСКОЙ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ РОССИИ ИМПЕРСКОГО ПЕРИОДА****(рец. на кн.: Повседневная жизнь провинциальной горожанки
в пореформенной России (на материалах Оренбургской губернии
второй половины XIX — начала XX века) / Е. В. Бурлуцкая [и др.].****Оренбург: Оренбургское книжное издательство
имени Г. П. Довконцева, 2020. 472 с.: ил. ISBN: 978-5-88788-263-5)**

doi: 10.30759/1728-9718-2021-4(73)-197-199

История повседневности как самостоятельное направление исторических исследований неизменно привлекает внимание современных ученых. Авторы многочисленных статей и монографий признают необходимость изучения взаимодействия индивидов и окружающего их географического, культурного и социального пространства не только в столичных городах, но и на уровне региональных центров.¹ Особо пристальное внимание уделяется динамике изменений культурного ландшафта городского социума, формированию представлений, мотивации и моделей поведения городских жителей.²

Коллективная монография оренбургских историков не только продолжает тенденцию к компаративному изучению истории повседневности на материалах региональных центров, но и предлагает детализировать повседневность в контексте гендерной дифференциации городских жителей Оренбургской губернии второй половины XIX — начала XX в. В центре внимания авторского коллектива оказываются образ жизни и практики повседневного поведения провинциальных горожанок в семейной, трудовой и досуговой сферах с учетом особенностей природно-климатических условий, географического положения, социального, этнического и культурного ландшафта. Заявляя о нацеленности исследования на характеристику семейной, трудовой и досуговой сфер в повседневности провинциальных горожанок, их поведения и быта, авторы сознательно ограничили предмет своего

изучения повседневностью горожанок православного вероисповедания, относящих себя к русскоговорящему населению (с. 8.).

Методологическим основанием работы является «процессуальная модель изучения повседневности», которая отождествляет повседневность с «процессом взаимодействия человека с действительностью, как в смысле деятельности, так и ее освоения» (с. 22, 23). В рамках такого подхода принципиально важной категорией исследования становится концепт «образ жизни», содержательно включающий в себя «совокупность привычных для человека занятий, режимов повседневной активности и субъективной оценки человеком своей жизни» (с. 420). С этих позиций центральная задача — выявление не только стратегий приспособления индивида, но и его способности к сохранению «существенных индивидуальных параметров» в меняющейся социокультурной среде. Авторы монографии согласны с мнением,³ что такая способность предполагает сознательный отбор и принятие только тех ценностей и поведенческих моделей, которые кардинально не противоречат сложившимся у человека ценностям, потребностям и представлениям о границах социального поведения (с. 420).

В рецензируемой монографии выявлены не только формальные правила и установки, предписываемые нормативно-правовыми документами, но и эмоциональные, поведенческие реакции современников. Такое сочетание обусловило привлечение разнообразного по составу и информативности комплекса исторических источников. В исследовании использованы архивные материалы: метрические и бракоразводные книги, формулярные

¹ См.: Кискодосова Т. А. Повседневная жизнь горожан енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX века. Абакан, 2012; Микитюк В. П., Яхно О. Н. Повседневная жизнь Екатеринбурга на рубеже XIX–XX веков: очерки городского быта. Екатеринбург, 2014; и др.

² См.: Керов В. В. Екатеринбург, Томск, далее везде: какая она, российская история «городской повседневности», и зачем она нужна? // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2017. № 48. С. 53.

³ См.: Мельникова Н. Н. Образ жизни и его адаптивная функция // Вестн. ЮУрГУ. 2009. № 5. Сер. «Психология». Вып. 4. С. 44.

списки, делопроизводственная документация детских приютов, учебных заведений, различных структур, отражающих деятельность церковных институтов. Относительно самостоятельную группу источников, позволяющую показать формально-юридическую сторону городской повседневности, составили законодательные акты, географические и медико-топографические описания Оренбургской губернии, «списки населенных мест» и материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г. Принципиально важным для реконструкции облика города, нравов и поведения жителей представляется привлечение авторами коллективной монографии писем и мемуаров, а также ряда произведений художественной литературы, которая одновременно была и частью городской повседневности, и ее отражением в сознании современных авторов.

В совокупности весь комплекс источников позволил реконструировать и официальные, и неофициальные аспекты городской повседневности, но, как признают сами авторы монографии, большинство текстов было написано мужчинами. Это обстоятельство существенно затрудняет процесс реконструкции мира женщин, их субъективных мотивов, стремлений и переживаний. Однако, несмотря на доминирование мужского взгляда на окружающий мир в текстах исторических источников, исследователям удалось выявить множество прямых и косвенных источников о женской повседневности в ее различных проявлениях. В результате кропотливого поиска и обработки соответствующей информации, которая, по словам авторов, «мелким бисером рассыпана в обширных текстах, повествующих о природе и климате, занятиях и досуге населения, в рекламных объявлениях, литературных произведениях и архивных документах», читателю представлен многоуровневый анализ процесса трансформации городской среды и мировосприятия ее жителей.

В результате анализа особенностей городского пространства, сословной, этнической и религиозной структуры Оренбурга и ряда уездных центров губернии авторы констатируют, с одной стороны, военно-чиновничий характер городской среды и нарождающуюся тенденцию к усилению роли «торгового сословия», а с другой — значительное влияние миграционных потоков. По образному выражению авторов, «Оренбургская губерния напоминала то большую казарму, то огромный

базар», а в последней трети XIX в. в связи с большим потоком переселенцев, «ищущих лучшей жизни за Уралом и в Сибири», она стала местом встречи людей различных национальностей, поведенческих стереотипов и религиозных традиций. Все это оказывало заметное влияние на городскую повседневность женщин: формируются новые модели поведения в сфере брачно-семейных отношений (раздельное проживание супругов без официального расторжения брака, внебрачные отношения и дети, рост числа разводов), происходит поиск женщинами независимого от мужчин источников дохода (сфера услуг, включая услуги интимного характера; преподавание в школах). Особого внимания читателей в данном контексте заслуживает сюжет о женщинах-предпринимателях как об одной из социальных страт, представители которой конкурировали с мужчинами (с. 268–289). В среде высшего городского общества одной из форм самореализации становится участие в организации работы благотворительных организаций и попечительских обществ.

Пристального внимания заслуживает сюжет о стратегиях супружеских отношений и других практиках внутрисемейного общения. Данная тема имеет значительный эвристический потенциал для реконструкции процесса формирования женской идентичности, установления траекторий социализации женщин, мотивации и форм участия в разных сферах городской жизни.⁴ Все это необходимо для ответа на ключевой вопрос современной гендерной истории: как и под влиянием каких факторов менялся устоявшийся и, казалось бы, неизбежный для женщины порядок — пройти всю жизнь, не выходя из рамок семьи, оставаясь на попечении мужчины.

В работе показаны различные практики проведения свободного времени: посещение библиотек и музеев, театров, танцевальных вечеров, катание на лошадях, поездка на ярмарку, в цирк и на другие развлекательные мероприятия. Одновременно с влиянием особенностей социальной структуры и внешней городской среды на поведение горожанок в монографии обозначено и обратное влияние горожан на изменение городского бла-

⁴ См.: Рута В., Кокорев А. Барышни и дамы. Повседневная жизнь москвичек в середине XIX — начале XX века. М., 2015. С. 11; Кончаковская Н. Б. Девичество горожанок Перми и Екатеринбурга в конце XIX — начале XX века. (в контексте повседневности) // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2019. № 58. С. 32.

гоустройства. Распространение прогулок как формы женского досуга, в ходе которого возникали новые социальные контакты и формировались не связанные с родственными отношениями или профессиональной принадлежностью сообщества горожанок, обусловило появление в крупных городах Оренбургской губернии новых досуговых пространств: скверов, парков, бульваров.

В заключении авторы сформулировали принципиально важный вывод о решающем влиянии на происходившие изменения не общеимперских социально-экономических процессов, а региональных факторов, которые вынуждали преодолевать сложные климатические условия и не менее сложные социально-психологические проблемы. В этих обстоятельствах адаптация горожанок Оренбургской губернии к новым условиям обусловила «большую

свободу действий, чем, например, в центральных российских губерниях» (с. 428).

Все вышеназванное делает исследование актуальным и ценным вкладом в общий фонд работ по повседневной и гендерной истории. Полученные результаты открывают перспективу компаративных исследований женской городской идентичности и моделей адаптации представительниц различных социальных групп с другими регионами Российской империи. Одновременно с этим целесообразным представляется расширение источниковой базы исследования посредством анализа практики использования предметов материальной культуры. Анализ материально-вещной среды может способствовать пониманию важных, но не всегда вербализируемых изменений в обществе в периоды значимых общественных трансформаций.

*Д. В. Тимофеев, д.и.н.,
Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)*

*О. Н. Яхно, к.и.н.,
Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)*